

Шиссави привёл нас в Ассоциацию путешественников по разломам Фельзана. Это было большое здание, вырезанное в стволе гигантского солнечника, расположенное недалеко от центра города. Вверху, внизу, повсюду, я видел, как административные агенты ППР снуют вокруг массивного строения, словно около муравьиного улья, и у каждого сотрудника был взгляд, только добавляющий мрачного настроения.

Шиссави повёл нас к лифту - мраморной платформе, с высеченными на ней рунами, теми же, которые позволяют дирижаблям парить. Он провёл жетоном по терминалу, и лифт поднялся вверх, двигаясь вокруг дерева, как будто у него был свой собственный разум.

В обычной ситуации отец бы восхитился этим. Но сейчас он не выглядел довольным. Он бросил на солдата обеспокоенный взгляд.

«Как обстановка на фронте, защитник? Почему мы получили известие только сейчас?»

«Прошу прощения, сэр Киндлбрайт. Информацию за последние десять дней я не имею права сообщать. Однако вас ждут кристаллы с записями. И от принца, и от мисс ведьмы Скверны, которые, несомненно, ответят на некоторые из ваших вопросов.»

Кербан нахмурился: «Обычно нет необходимости в такой секретности. Я и раньше работал с путешественниками по разломам - они подчиняются коалиции Четырёх, а не просто какому-то дому в Керите. Саер Халкин не должен иметь полномочий скрывать информацию от Фельзана, как он это делал последние несколько недель.»

«Вы правы, начальник доков. Текущая ситуация контролируется людьми выше командования саера.»

Из всего разговора я мало что понял. Но его последние слова привлекли моё внимание. Выше. Выше, чем власть любого дома в Керите.

Другие миры были ответственны за решение.

Кербан, казалось, пришёл к такому же заключению. Он поджал губы и положил руку на плечо отца: «А другие дома? Выполняют ли они свою часть работы?»

«Они отправили шиссави для поддержки сил саера Халкина, согласно единому голосованию во время последнего Сезонного суда. Кроме того, отделения ППР из других измерений также отправили свою поддержку.»

Я моргнул, уставившись на мужчину. «Нови здесь?»

«Во главе с самим Белым солнцем, сэр Ашран.»

Это имя заставило всех нас замолчать. Если сам основатель Ассоциации путешественников по разломам находится здесь, в Керите, это многое говорит о положении на фронте. Наш парящий лифт пролетел по диагонали, поднявшись чуть ниже вершины, а затем остановился на краю платформы, ведущей внутрь дерева.

Мы вчетвером вошли в огромную комнату, полную коммуникационной техники: рунических передатчиков, сфер для гадания на воде и множества иллюзорных проекций агентов ППР, работающих на передовой. В сферах для гадания я различил проекции западного фронта.

Бои были интенсивными.

Пушки разрывали на части испорченных. Флот дирижаблей покрывал всё небо. Газерсталки выпускали ужасающие лучи энергии, шиссави десятками тысяч маршировали над затопленными землями, а путешественники по разломам с холодной эффективностью разрывали на части жутких чудовищ. Я мельком увидел, как Элана взмахом руки уничтожает легион испорченных.

Я слегка расслабился.

Она не мертва.

Мой взгляд оторвался от проекций, когда к нам подошла агент - женщина в униформе управления, со значком и в берете. Она окинула нас взглядом, а затем кивнула в мою сторону.

«Сэр Ашран,» - сказала она. «Адресованные вам сообщения просили просмотреть в отдельной комнате. Пожалуйста, следуйте за мной. Мисс Киндлбрайт прислала вам особенно большое количество записей.»

Кербан шагнул вперёд: «А как же мы? Мать должна была оставить и нам сообщения.»

«Так и есть, мистер Киндлбрайт. Пожалуйста, подойдите к другому служащему, чтобы он провёл вас и вашего отца в отдельную комнату для просмотра записей.»

Отец положил руку на плечо брата: «Ты слышал её, сынок. Пойдём.»

«Хорошо. Присоединитесь ли вы к нам после, сэр Ашран?»

«Разве мне нельзя просмотреть записи вместе с ними?» - спросил я, обращаясь к женщине, и она покачала головой.

«Саер Халкин обозначил содержимое вашего кристалла записи как секретное. Никто, кроме вас, не может посмотреть его. Однако то, что вы сделаете с тем, что услышите, зависит только от вас. Мисс Киндлбрайт оставила очень подробную инструкцию об этом, когда передала кристалл в руки наших курьеров.»

«Хорошо. Ведите. Скоро увидимся, Кербан. Ругш.»

«Не обращайтесь на нас внимания, сэр Ашран. Не торопись.»

Уходя, я кивнул им. Женщина-амарид быстро повела меня в противоположную сторону, направившись к небольшой комнате в углу зала, запёртую за адамантиновой дверью. По всей её раме гудели энергией арканические замки. Они открылись, как только сотрудница провела по ним жетоном, и дверь без звука отворилась. Стены комнаты внутри были покрыты белыми плитами, а в углу стоял небольшой стул, стол и кровать.

Над столом бездействовал записывающий кристалл.

Поджав губы, я шагнул внутрь. Стало тихо, суэта позади меня исчезла. Я поднял бровь и обратил внимание на огромное количество рун на стенах. Я понятия не имел, что делает большинство из них, но некоторые были мне знакомы - в частности, руны гашения звука, защиты от прорицания и усиления.

Я бросил на сопровождающего странный взгляд: «Вы уверены, что это комната прослушивания, а не тюремная камера?»

«Мы очень серьезно относимся к распространению информации, сэр Ашран.»

«Без шуток. Когда я смогу выйти? У этой двери нет ручки.»

«На столе есть символ, сэр. Как только вы нажмёте на него, нам сообщат о вашей просьбе выйти из комнаты. Если вам понадобится еда и питье, на кровати есть ещё один символ. Еда будет телепортирована по вашему запросу.»

«Телепортация, используется как будто это пустяк. Я действительно в будущем,» - пробормотал я, качая головой и направляясь к столу.

Служащая закрыла за мной дверь. Она закрылась с короткой вспышкой света, руны активировались с почти ощутимым гулом. Я нахмурился. Комната была герметично закрыта, и не только физически. Здесь не было ни запаха, ни звука, а температура была идеально отрегулирована. Если бы я не был уверен в собственной невиновности, я бы проклял себя за то, что так просто вошёл в подобную тюремную камеру.

Тем не менее, я был уверен, что смогу выбраться силой, если до этого дойдёт. Мне пришлось бы полагаться на плетение Странника, но я сомневаюсь, что он откажет мне. Однако я предпочёл бы, не прибегать к подобному.

Я подошёл к столу и постучал ногой по его тени.

В поле моего зрения мелькнуло несколько мест в радиусе десяти метров. Коридор, мост, несколько комнат для прослушивания и главный зал. Я ухмыльнулся.

Одни из самых продвинутых рун, на которые была способна Ассоциация путешественников по разломам, и всё, что требовалось, чтобы обойти их - это пара некачественных сапог. Похоже, мои сапоги работали иначе, чем обычные средства перемещения. Если, конечно, комната была защищена от телепортации. Я сделал мысленную заметку, спросить об этом позже.

Я взглянул на свою тень: «Есть ли у бессмертных способы помешать мне ходить по теням с помощью моих сапог, Странник?»

Ответа не последовало.

Хм. Я не видел Странника с тех пор, как мы сошли с корабля в Фельзане. Неужели он наконец-то умер? Было странно, что он так долго не появлялся и не нёс чепуху. Сейчас он был бы очень кстати.

Я перевёл взгляд на записывающий кристалл на столе и вздохнул.

Сообщение от Эланы. Я не хотел его смотреть, не совсем. Какая-то часть меня всё ещё злилась на неё и, возможно, немного боялась снова увидеть её, услышать её старый, сухой голос. Но эта часть меня уступила любопытству.

Я сел на стул и протянул руку вперёд. Я взял кристалл в руку, опёрся подбородком на ладонь и стал крутить его между пальцами. Он был размером с яблоко. Сделанный из многогранного хрусталя, он сверкал под белым светом комнаты прослушивания. Сам драгоценный камень был вставлен в металлическое основание, на котором виднелись рунические письмена.

Под рунической схемой я увидел светящийся текст, написанный на общем языке.

Ёмкость хранилища: 89% - 2Ч-42М-18С

...Похоже, Элане было что сказать.

Я был готов, что бы это ни было. Я был готов выслушать почти три часа извинений, ругани, гнева или даже мольбы. Не то чтобы Элана когда-либо делала что-то подобное. Нет, я уверен, что кристалл, как всегда, полон алхимической работы. Возможно, ей нужен мой вклад в изменение формулы. Или, возможно, порча адаптировалась к нашему биооружию, и ей снова понадобился мой совет.

Возможно, это послание с просьбой вернуть меня на передовую. Чтобы я отправился туда и вместе с ней разработал новое оружие, чтобы покончить с Багровым приливом. Возможно, это не столько просьба, сколько приказ.

Для неё в этом не было ничего нового. Я привык к этому.

Ей тоже придётся привыкнуть и к моим отказам. Я уже поставил точку. С меня хватит. Я не хотел иметь с ней ничего общего - я просто хотел, чтобы она вернулась домой и проводила время с семьёй, которой было на неё не наплевать. Чувствуя, что моё разочарование снова нарастает, я сжал кулак и коснулся символа на передней части кристалла. Он засветился. Проекция ожила.

Элана, посмотрела на меня.

Я был готов проклясть её. Выключить кристалл от скуки, гнева или просто от злости. Я знал, что одно её неверное слово - это всё, что мне нужно, чтобы выключить запись и уйти.

Но Элана заговорила, и я замер.

«С шестнадцатым днём рождения, сынок. Мне жаль, что я...»

Это было поздравление с днём рождения. С опозданием на двадцать три года. Я хмуро смотрел на запись, наблюдая, как она говорит, как она натянуто улыбается и пытается починить мост, который давно сожгла. Это была жалкая попытка восстановить связь.

Я посмотрел на оставшееся время. Девять минут.

Закатив глаза, я перешёл к следующей записи.

Это тоже было поздравление, оно предназначалось для моей семнадцатой зимы. Год, когда я потерял своё Имя. Вздохнув, я снова нажал пропуск. Следующее сообщение было примерно таким же. Я его пропустил. Я пропустил, и я пропустил, и я пропустил.

«С двадцать пятым днём рождения, сынок. Я не знаю, где ты был и что делал в это время, но надеюсь, что ты не забыл попрактиковаться в алхимии...»

Ещё одно сообщение. Я потянулся к символу, чтобы пропустить его, но остановился, заметив, как Элана вздрогнула во время записи. Нахмурившись, я внимательно посмотрел на неё. Усталые глаза. Бледное, осунувшееся лицо. Маленькие чёрные вены, бегущие по коже, словно паутина трещин, ползущая к челюсти. Отравление эликсиром.

Ей больно. Ей был необходим отдых. Я пропустил это сообщение и посмотрел следующее.

«С двадцать девятым...»

Её голос дрогнул в самом начале.

«...тридцать четвертым...»

Её глаза были опухшими.

«Счастливого...»

Я снова пропустил. Я нажимал большим пальцем на символ пропуска, пропуская её глупые приветствия, пока лёд наполнял мою грудь. Я пропустил до самого конца, до её последнего сообщения. Я ожидал тех же слов, что и раньше. Поздравления с днём рождения, а затем какой-нибудь обыденный доклад о том, что она делала всё это время. Но я увидел не это.

Нет. Последняя запись началась в тишине.

Она смотрела перед собой, как будто перед ней был я, а не просто какой-то кристалл на столе. Её спина сгорбилась. Её глаза были красными, руки дрожали, она молча смотрела, борясь, думая, что сказать.

Элана открыла рот, чтобы заговорить.

Из него вырвался всхлип.

Я молча наблюдал за ней. Она вытерла лицо рукой, но за первыми слезами последовали новые. Элана сломалась, пытаясь говорить в течение трёх минут. Из-за плача её слова звучали как лепет. Что бы она ни пыталась сказать, я не мог понять. Не пытался.

Нет, я просто сидел и смотрел, как Элана плачет.

Запись закончилась ещё через минуту. Кристалл потемнел, и проекция исчезла. Я сидел на стуле, усталый, не сводя глаз с неактивного кристалла записи. К этому времени гнев, который я чувствовал, исчез. Весь до единой капли. Не то чтобы я простил её, не то чтобы сжалился, из-за того, что она плакала, не то чтобы принял невысказанные извинения, которые она произнесла в своём поздравлении с днём рождения.

Просто я не узнал её.

Я ненавидел ту мать, которую знал. Мать, которая бросила нас. Ту, которая была беспечной и полной амбиций. Но женщина на записи? Это была не мать. Это была усталая старуха, которая хотела только одного - вернуться домой и помириться со своим сыном. Элана. И хотя я никогда не простил бы её, она была тем, кого я не мог ненавидеть.

Потому что Элана не моя мать.

Больше нет.

Ругш наблюдал за гадальными сферами издалека.

На них мелькали живые проекции фронтов, а вокруг каждой сферы из левитирующей воды сидели волшебники и поддерживали заклинания. Из пяти сфер в комнате одна была полностью сосредоточена на его жене.

Элане.

Ругш наблюдал, как любовь всей его жизни сражается за спасение их мира. Она убивала испорченных, глотала эликсиры, достаточно сильные, чтобы убить великанов, и восстанавливалась после ударов, после которых ни один смертный не имел права выжить. Кербан тоже смотрел на неё, даже когда разговаривал с путешественником по разломам, его глаза следили за каждым движением матери. Он чувствовал зуд в сердце мальчика. Желание собрать свои вещи и отправиться прямо на передовую, где он будет сражаться рядом с Эланой.

Но Кербан не был бойцом. Даже если бы он захотел, ему бы не позволили пойти. Путешественники ясно дали понять это. Ругш и Кербан не имели права покидать город по приказу самого Зеркального принца и, несомненно, Эланы.

И вот они смотрели, как она сражается.

Она посылая отравленные иглы в рой. Испорченные птицы падали тысячами. Она развела руки в стороны и повелела волне чёрной злобы растопить всё, что стояло на её пути. Она пробивала себе путь сквозь врагов, даже когда в её пронзил Газерстак, испепелив одну сторону её тела.

Именно в такие моменты Ругш проклинал себя за то, что не остановил её. За то, что был слишком слаб, чтобы сказать жене, что мир может обойтись без неё. Что ей не нужно жертвовать собой ради многих.

Что она может быть эгоисткой, как и он, когда связал её узами брака.

Ругш почувствовал, как скрипят кости в его руке, когда он крепко сжал кулаки. Настолько крепко, что они задрожали над его коленом, а кончики каменных пальцев заскребли по ладони. Он следил за каждым движением своей Ланы, не мигая, словно если он отвернётся, с ней случится что-то ужасное.

Смотреть на её страдания - это всё, что он мог сделать.

И Ругш ненавидел себя за это.

Пока он сидел и смотрел, кто-то подошёл к нему. Кто-то высокий, бледный и новый; кто-то, проклятый не носить одно и то же лицо.

Ашран молча сел рядом с ним и тоже взглянул на бесконечную борьбу его жены.

Через некоторое время мужчина заговорил.

«Моя мать была неуклюжей, не умела строить отношения, и характер у неё был как летний лесной пожар. Она приходила и уходила, возвращалась как буря и улетала как ветер,» - сказал Ашран, его голос был мягким. «Я ненавидел её.»

Ругш вздохнул: «Сердце любой матери разорвётся, если она услышит это, сынок. Надеюсь, ты никогда не говорил ей об этом. Какой бы ужасной матерью она ни была.»

Ашран ничего не ответил. Прошло ещё одно мгновение.

«...Ты был бы счастлив, если бы Элана вернулась домой, Ругш?»

«Какой мужчина не будет рад видеть свою жену в безопасности? Я бы сделал всё, чтобы она

была со мной, а не... там, в бою. Сражаясь и причиняя себе боль.»

«Даже если ты знаешь, что в конце концов она снова уйдёт?»

«Если бы она сегодня вернулась домой, я бы её больше никогда не отпустил.»

Он почувствовал, как Ашран поднялся со своего места.

«Понятно. Прощай, Ругш.»

«Что ты...»

Ругш повернул голову в сторону странного человека, но никого там не обнаружил. Вместо этого на сиденье рядом с ним лежал инструмент. Он был старым и изношенным, с трещиной на полпути вниз от мундштука. Ругшу потребовалось меньше секунды, чтобы распознать в этом инструменте то, что он сам сделал.

Ругш вскочил со своего кресла, его сердце внезапно сжалось, больно ударило о грудную клетку, разорвалось, он схватил бансури и посмотрел...

Но Ашран уже исчез.

<http://tl.rulate.ru/book/60551/2251962>